

**Клеменц Дмитрий Александрович**

**Из прошлого Воспоминания**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Д53

Д53     **Дмитрий Александрович К.**  
Из прошлого Воспоминания / Клеменц Дмитрий Александрович – М.: Книга по Требова-  
нию, 2024. – 183 с.

**ISBN 978-5-519-89293-3**

**ISBN 978-5-519-89293-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Мы переживаем пятидесятилетний юбилей народнического движения 70-х годов. На фоне этого движения, по нашему мнению, наиболее крупной фигурой был Д. А. Клеменц, не уступавший по своему значению А. И. Желябову. Ему в этом десятилетии принадлежит первенствующая роль видного теоретика движения и в то же время активного революционера-практика. О Клеменце ранее немало писалось, но последние годы о нем как будто бы стали забывать. Правда, имя его встречается, например, в труде О. В. Аптекмана „Земля и воля“ и в журнальных статьях о 70-х годах, потому что обойти деятельность этого талантливого революционера невозможно. Но специальных трудов о Д. А. Клеменце нет. Чтобы освежить память о нем, Издательство „Колос“ и решило выпустить его воспоминания „Из прошлого“, охватывающие его детство и период до образования партии „Земля и воля“, т. е. наиболее важного периода революционной работы Клеменца.

Но то немногое, что написал о своей жизни Дмитрий Александрович, дает несколько ярких страничек из далекого для нынешних поколений прошлого; здесь картины крепостного права, дореформенная школа, 60-е годы, университет, несколько штрихов из народнического движения начала 70-х годов, заграничная жизнь, добровольческое дви-

жение на Балканы, Черногория во время турецкой войны и Швейцария. Дмитрий Александрович только у трех глав поставил заголовки: „Под кровом родительским“, „Учебные годы“ и „Черногория“. Остальные названия глав сделаны Издательством.

Воспоминания „Из прошлого“ не охватывают всей жизни Д. А. Клеменца, а потому Издательство „Котос“ обратилось к другу покойного деятеля И. И. Попову, в течение 30-ти лет знавшему Клеменца и находившемуся с ним в тесном общении. И. И. Попов дал статью-монографию, в которой, кроме биографических, частью неизвестных до сих пор подробностей, знакомит читателя с личностью Дмитрия Александровича и характеризует его как революционера, общественного деятеля, писателя и ученого. Из этой вступительной статьи видно, какой значительной, поистине выдающейся фигурой был Д. А. Клеменц и Издательство считало бы себя исполнившим долг, если бы книга Клеменца, со статьей о Клеменце дала бы толчок к новым работам и воспоминаниям об этом во всех отношениях удивительном человеке.

Ведь еще живы и современники Д. А. Клеменца (его товарищи В. Н. Фигнер, О. В. Аптекман, Н. А. Морозов, М. И. Сажин и др.) и лица, знавшие Клеменца, как ученого и путешественника (Ф. Е. Ольденбург, В. А. Обручев, Д. И. Першин, А. П. Герасимов, В. Ф. Пекарский и др.); эти лица могли бы написать не мало нового и интересного о деятеле, память о котором должна быть сохранена.

---

## **Д. А. КЛЕМЕНЦ. ЕГО ЖИЗНЬ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.**

### **I.**

Издательству „Колос“ пришла счастливая идея издать отдельной книгой воспоминания („Из Прошлого“) Д. А. Клеменца, имеющие большой исторический и общественный интерес. Очерки „Из Прошлого“ печатались в „Русских Ведомостях“ в 1910 и 1911 гг. и совершенно неизвестны выросшему с того времени поколению и даже поколениям.

Между тем жизнь и деятельность такого замечательного человека, каким был Д. А. Клеменц, охватывает важную эпоху русской жизни, эпоху активного народничества, наиболее видным представителем которого был автор. К сожалению, Клеменц не успел довести до конца свои художественно изложенные воспоминания: они прервались на самом разгаре его революционной деятельности и совершенно не коснулись его ссылки, научных работ, путешествий и др.

Товарищи Клеменца не мало писали о нем, и его имя встречается в воспоминаниях каждого семидесятника и многих сибиряков и ссыльных

позднейших формаций. Пользуясь этой литературой, научными трудами Клеменца и отзывами о них, моим 30-ти летним знакомством и дружбой с Д. А. и Е. Н. Клеменцами, его архивом, который некоторое время после смерти Д. А. был в моих руках, я постараюсь дополнить биографические сведения о Д. А. и, по мере сил и умения, дам оценку этого во всех отношениях интересного человека. Я остаюсь и на той эпохе, которую Д. А. описывает в своих воспоминаниях.

Клеменц много и красиво говорит о других, об условиях жизни и работы—и очень мало о себе. Скромность — одна из черт, присущая большим людям, а Д. А. несомненно принадлежит к числу наиболее выдающихся людей конца XIX века и первого десятилетия XX в. О Д. А. Клеменце я уже писал после его кончины в „Русских Ведомостях“, „Голосе Минувшего“ и в „Сборнике памяти Д. А. Клеменца“. Кое-что придется повторить и из написанного ранее.

Красива, полна и содержательна была жизнь Д. А. Клеменца; велики и многоценны его заслуги в области науки и географических исследований; глубокий след он оставил в Сибири и сопредельной Монголии; удивительны и прекрасны были его дела и подвиги в общественно революционной деятельности. В период интенсивной революционной работы Д. А. не отрекался от науки, „горел жаждой знаний“ и изучал геологию, математику, языки и др. науки, как и в самый разгар научных работ у него всегда находилось время и досуг служить русской общественности и содействовать успеху революционной работы. Среди революцион-

ных деятелей Д. А. был самым образованным человеком.

В лице Клеменца замечательно счастливо совместились смелый исследователь-географ, вдумчивый ученый, блестящий оратор, яркий публицист, талантливый, полный юмора фельетонист, легко владевший стихотворной формой, художник-рисовальщик и отважный, хладнокровный революционер, общественный деятель изумительной энергии и пропагандист, подчинявший себе не только народные массы, но и своих товарищей, которые должны были пропагандировать, а вместо того с увлечением слушали Клеменца, находясь под влиянием его обаятельного таланта. Жизнь Клеменца была многообразна, крайне содержательна и блестяла яркими красками. Мы не ошибемся, если скажем, что на протяжении почти полувека русской жизни Д. А. был одной из наиболее крупных фигур. Где бы он ни появлялся — пыльщиком ли среди деревни, разудалым рабочим на фабрике, или агитатором среди студентов и своих товарищей-революционеров, или между учеными и писателями, в дикой ли Монголии, или в широкой по своему простору Сибири, в салонах ли столицы, или в парижской Сорбонне и на берегах Женевского озера среди международной эмиграции, или на Балканах, среди добровольцев, или в ученом кабинете, в редакции больших газет и журналов — Клеменц всегда, невольно для себя, выдвигался в первые ряды и занимал центральное положение. В Д. А. все было характерно: и его несколько калмыцкое лицо, с высоким философским лбом и с чудными темными глазами, в которых светилась

бесконечная доброта и искрились блески юмора, и правильный, красиво очерченный рот с проницательской улыбкой, которая сохранилась и после смерти, и крепкая, угловатая, дышащая силой фигура, и веселый, безусловно социальный характер, делающий из него „компанейского“ человека, несмотря на всю индивидуальность его мирозерцания, резко отличающую его от окружающих. Как бы выточенный его индивидуальность не давила других: с Клеменцем было легко разговаривать и спорить; он стойко отстаивал свои положения, не поступался своим мнением и всегда внимательно, не горячась, выслушивал доводы оппонента, уважая и терпимо относясь к чужому мнению. Мягкость характера Клеменца, несмотря на стойкость его убеждений, была прямо изумительна: за 30 лет нашего знакомства я не помню Клеменца рассердившимся. В то же время, когда нужно, он оставался одинок со своими убеждениями, со своим мнением. Так не раз бывало это и в „Земле и Воле“, и в ученых обществах, и в товарищеской среде, или в частной беседе. Наряду с мягкостью характера у Клеменца была еще одна черта, не часто встречающаяся в жизни—это чрезвычайно бережное отношение к другому человеку, заботы о нем, уважение к нему и опасение сделать ему больно. Работать с Клеменцем, жить с ним было легко, потому что он умел до чрезвычайности деликатно облегчать условия работы и самую жизнь.

Люди разнообразных общественных профессий, положений и политических взглядов сходятся в оценке Клеменца. Его товарищ, революционер Л. Э.

Шишко, считает Клеменца мудрецом, мыслителем, которого, как метко замечает он, природа наделила головой, напоминающей голову Сократа. С. М. Кравчинский-Степняк в своей „Подпольной России“ дает художественную характеристику Клеменца, относится к нему так восторженно, как ни к кому другому из своих товарищей. Он говорит, что „Д. А. был блестящим образчиком мыслителя, со всеми его достоинствами и недостатками“.

Таким же мыслителем считали Д. А. все его товарищи — П. А. Кропоткин, Н. А. Чарушин, С. Л. Чудновский и др. Значительно позднее академик В. В. Радлов приглашает Клеменца участвовать в экспедиции, полагая, что он, как мыслитель, даст философское освещение открытым древностям. Мыслителем он встает перед нами и в Минусинском Музее, где он, можно сказать, одухотворяет музейные древности в своем научном труде и создает Минусинскому Музею мировую известность. Сам В. К. Плеве скорбит по поводу того, что „такой яркий и глубокий человек сбился с пути“.

Сложная и оригинальная личность Клеменца выявлялась не только в его обширных литературных и научных трудах, но и среди живых людей, среди общества, которое входило в общение с ним, и душою которого всегда и везде он был. На эту сторону характера Д. А. указывают все его биографы. Скупой на похвалы по адресу не-сибиряков, сибирский патриот и ученый Г. Н. Потанин, учитывая влияние Клеменца на общество, не обинуясь, называет Д. А. „учителем сибирских поко-

лений". Такую же характеристику Клеменцу дает и его сибирский приятель А. В. Адрианов в своей статье "Памяти супругов Клеменц".

О большом влиянии Д. А. на общество, окружающих говорят также его биографы. Эту сторону характера пришлось наблюдать и мне. Д. А., не насилуя чужой воли, как-то умел подчинять себе людей. Против влияния Клеменца не устоял и такой упрямый и самостоятельный человек, каким был Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, у которого Д. А. удавалось добиваться, чего не могли добиться другие, занимавшие высокое служебное положение. Просматривая письма Д. А. к различным ученым, власть имущим, к И. М. Сибирякову по поводу Якутской экспедиции и др., необходимо отметить, что в основе всех их лежат руководящие идеи мыслителя.

Обширный синтетический и аналитический ум философа-мыслителя давал Клеменцу возможность легко ориентироваться в самых разнообразных вопросах. Эта многогранность натуры Клеменца, разнообразие тех дел, за которые он брался, создали беспокойную, постоянно мятущуюся фигуру Клеменца. Всю жизнь Д. А. горел ярким огнем и не знал покоя. Он сам считал себя беспокойным: на фотографическом портрете, подаренном им мне в Иркутске, Д. А. сделал надпись: "Дорогому Ивану Ивановичу беспокойному от беспокойного подлинно. Д. Клеменц".

Разносторонность образования Клеменца, многогранность его литературного таланта напоминают мне те же черты у Н. Г. Чернышевского. Клеменц, как и Чернышевский, мог говорить по

всевозможным вопросам и на разные темы. Клеменц был даже разностороннее Чернышевского, потому что он хорошо знал и геологию, и палеонтологию, и географические и естественно-исторические науки.

Некоторые биографы говорят, что Клеменц, благодаря условиям русской жизни, не нашел себя и не дал того, что мог бы дать, благодаря своему таланту, изумительной энергии и оригинальному, вполне определенному миросозерцанию. Одни думают, что из него, при иных условиях русской общественности, должен был выйти народный трибун, политический деятель, такой же яркий, каким был во Франции его современник Жорес. Другие сожалели, что Д. А. не избрал профессорскую карьеру, и тогда Россия в лице его получила бы второго Грановского. Но не будем гадать, чем мог бы быть Клеменц „при иных условиях русской жизни“, — мы знаем, что жизнь его представляет большую ценность, — борозда, проведенная им в русской жизни, глубока, влияние его на окружающую среду было изумительно велико. Он жил и умер большим человеком, крупной величиной в общественном и научном отношении. Он не отпал бесследно, как многие товарищи и современники его, жизнь которых слагалась даже более благоприятно, чем скитальческая, полная опасностей, лишений и тревожений жизнь Клеменца. В эпоху 70 годов, в разгар народнического движения, как и потом, когда министерство двора пригласило Д. А. стать во главе грандиозного этнографического музея, где ему уже пришлось давать личные объяснения государю, Клеменц всегда

оставался верен себе, несмотря на удивительную гамму чисто внешних перемен в обстановке и положении, и являлся крупной фигурой, как в народническом движении, так и в кругу ученых,— с ним считались, его ценили и ему подчинялись.

Эпоха народничества наложила неизгладимые черты на все миросозерцание Клеменца, и он до нес до могилы неприкосновенными идеалами этой эпохи, считая 70-е годы самой значительной эпохой в своей жизни. Вот почему, несмотря на ученые заслуги, на многогранную жизнь и официальный почет, Д. А. никогда не отходил от своих старых товарищей и до конца дней своих пользовался их симпатиями. И эти „старики“ — Натансоны, Лянды, Лазаревы, М. Гоц, Н. Геккер, Геденовские, Любовец, Попов и мн. др.,—когда умер Д. А., бывший в чине действительного статского советника,—пришли проводить его или прислали телеграммы и писали некрологи, скорбя о тяжелой утрате, ими понесенной, и с любовью вспоминая „беспокойного Дмитрия Клеменца“.

В основе всех исканий Д. А., в основе его революционной, общественной и научной деятельности лежала общечеловеческая правда и жажда познания. „Обладая ненасытной жаждой знания,—говорит С. М. Кравчинский про Клеменца,—он изучал все, не заботясь о том, сможет ли он извлечь из этого непосредственную пользу, или нет...“ „Клеменц любит весь мир и не упускает ни одного случая принять участие в его жизни“. В то же время Д. А. был в душе поэт и постоянно готов был любоваться природой, наблюдать, „как совершается эта природа“. Н. А. Морозов вспо-